

Дина Исаева

НАСЛЕДНИК
криминальной
интерии

Дина Исаева

Наследник

криминальной империи

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69246865
Д. Исаева. Наследник криминальной империи:

Аннотация

– Притормози-ка, дюймовочка, – окликает меня хриплый мужской голос. – Да, я тебе говорю. Садись в машину.

Возле открытой двери устрашающего внедорожника стоит высокий мужчина, лица которого я не знаю. Потому что если бы знала, то непременно запомнила. Оно красивое и пугающее одновременно, наверное, из-за шрама на щеке.

– Что вам нужно? – бормочу я, окончательно растерявшись. – Я на процедуру опаздываю.

Мужчина гневно щурит темные глаза, и в два шага оказывается рядом со мной.

– Когда я говорю: «садись в машину», Аня, ты идешь и садишься в машину. Процедура – это аборт, я так понимаю?

– Это не ваше дело, – лепечу я, задыхаясь от растущей паники.

– Еще какое мое, милая, – на лице мужчины появляется недобрая улыбка. – Если я отец, а ты пытаешься избавиться от моего ребенка.

Содержание

1	5
2	9
3	11
4	17
5	22
6	27
7	32
8	36
9	40
10	46
11	51
12	56
13	61
14	65
15	71
16	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Дина Исаева
Наследник
криминальной империи

Дина Исаева

* * *

Аня

– Воеводина, проходите! – резкий женский голос заставляет меня дернуться и вскинуть голову. Вряд ли кто-то из трех соседок по кушетке носит ту же фамилию, что и я. Значит, пора идти.

– Нижнее белье снимайте и ложитесь на кресло, – распоряжается толстая женщина в белом халате. – Последние месячные когда были?

– Третьего июля, – шепчу я, еле шевеля слипшимися от паники губами. – Задержка две недели. Я делала тесты... Оба положительные.

– Лет тебе сколько? – продолжает допрос врача, приступая к осмотру. Ее движения грубые, и мне приходится закусить губу, чтобы не расплакаться. Неужели нельзя быть немного деликатнее? Мне и так очень страшно.

– Девятнадцать.

– Учишься?

– Учусь, – шепотом отвечаю я, разглядывая светящийся плафон под потолком. – Второй курс.

– А предохраняться тебя не учили? Сексом заниматься нынешняя молодежь любит, а о последствиях вообще не думает. Куда вот тебе ребенок на втором курсе?

Слышится резиновый щелчок снимающихся перчаток, а

потом раздается фраза, которая отзывается во мне слезами. Ведь все еще оставался шанс, что тесты были ошибкой.

– Беременна ты, Аня Воеводина. Папаше радостную новость сообщи.

Врачиха возвращается за стол и принимается что-то писать. Ей совершенно наплевать на то, как я себя чувствую. Для нее я одна из сотен по глупости залетевших дурочек. Ей все равно, что я понятия не имею, кто отец моего ребенка, что не помню процесса зачатия и что еще пару месяцев назад я была девственницей.

На дрожащих ногах я слезаю с кресла и начинаю натягивать джинсы.

– Рожать собираешься? – врачиха недобро смотрит на меня поверх очков, повисших на кончике ее носа.

– Нет, – твердо произношу я. – Пойду на аборт.

Я приехала в Москву из глубинки, полная светлых фантазий. Набрала нужные баллы для поступления в столичный вуз, получила комнату в общежитии. Все шло по намеченному плану: училась я с удовольствием, вечерами подрабатывала официанткой в модном ресторане, обзавелась подругами. К курсу к четвертому я надеялась определиться с выбором профессии и повстречать настоящую любовь. Детей я непременно хотела, но лишь тогда, когда буду крепко стоять на ногах и при условии, что у них будет любящий отец. Нет, все точно должно было произойти не так. Когда я понятия не имею, на что буду содержать будущего ребенка и где мы

будем жить. Работы у меня больше нет, есть только комната в общежитии, из которой меня непременно выселят, как только я перестану посещать занятия. У моих детей должна быть красивая образованная мама, а не преждевременно состарившаяся женщина, пашущая на трех работах, чтобы их прокормить.

– Дело твое, – равнодушно произносит врачаха. – Предупреждаю: срок таблетированного аборта прошел. Могу записать на процедуру через три дня. Вот список анализов, – она сует мне в руку листок. – В регистратуре тебе все скажут.

Дрожащими пальцами я прижимаю листок к груди и выхожу из кабинета. Перед глазами все плывет, к горлу подкапывает тошнота, наверное, потому что с утра я ничего не ела. Я беременна и собираюсь сделать аборт. Это все происходит будто не со мной.

Вспомнив, что обещала позвонить Карине, я достаю телефон и набираю ее номер.

– Ну что?

– Беременна, – шепчу я, зажимая трубку рукой. – Я сказала врачу, что буду делать аборт.

– Ох, масик, мне так жаль, – сочувственно восклицает подруга. – Но все будет хорошо! Мы это переживем. Выучимся, разбогатеем. Приезжай давай в общагу – я тут картошки нажарила.

Я вешаю трубку и, выйдя на улицу, опускаюсь на первую попавшуюся лавочку. По лицу катятся слезы, в груди холод-

но и пусто. Как я смогла такое допустить? Почему тот злополучный день стерся у меня из памяти? Я бы хотела найти того мерзавца, по чьей вине через все это прохожу, и плюнуть ему в лицо.

Аня

В назначенный день я приезжаю в женскую консультацию. Карина хотела поехать со мной, но тогда она бы пропустила семинар, по которому готовила доклад. Я попросила ее этого не делать. Больше о моей беременности и намерении сделать аборт никто не знал. Да и кому такое расскажешь? Стыдно.

Войти внутрь я не сразу решаюсь. Я готовила себя к этому событию три дня, но так до конца и не подготовила. Разум говорит, что я все делаю правильно и даю себе шанс на нормальное будущее, а тело и сердце воют от безысходности. Тоскливо и страшно избавляться от частички себя.

– Девушка, не подскажите, дом три – это далеко отсюда? – слышится позади меня.

Я оборачиваюсь и ощущаю болезненный прострел в груди. Передо мной стоит блондинка с коляской. За руку она держит милого толстощекого карапуза.

– Я не знаю... – шепчу я, пряча глаза. – У кого-нибудь другого спросите.

Молодая мамочка уходит, и я остаюсь наедине с новыми терзаниями. Я ведь уже все решила. Обратного пути нет. С этими мыслями начинаю подниматься по лестнице.

– Притормози-ка, дюймовочка, – окликает меня хриплый мужской голос, от звука которого я столбенею. – Да, я тебе

говорю. Садись в машину.

Я медленно оборачиваюсь. Возле открытой двери устрещающего внедорожника стоит высокий мужчина в костюме, лица которого я не знаю. Потому что если бы знала, то непременно запомнила. Оно красивое и пугающее одновременно, наверное, из-за шрама на щеке. Мужчина коротко пострижен, челюсть покрыта щетиной, а на кистях набиты татуировки.

– Что вам нужно? – бормочу я, окончательно растерявшись. – Я на процедуру опаздываю.

Мужчина гневно щурит темные глаза, и в два шага оказывается рядом со мной. Меня обдает тяжелым запахом его туалетной воды, которая почему-то кажется знакомой.

– Когда я говорю: «садись в машину», Анята, ты идешь и садишься в машину, – цедит он, а татуированная кисть сжимает мой локоть и тянет меня за собой. – Процедура – это аборт, я так понимаю?

– Это не ваше дело, – лепечу я, задыхаясь от растущей паники.

– Еще какое мое, милая, – на лице мужчины появляется недобрая улыбка, а в глазах сверкает сталь. – Если я отец, а ты пытаешься избавиться от моего ребенка.

Аня

– Казим, выйди, – безапелляционно распоряжается мужчина, едва мы оказываемся в салоне автомобиля. Здоровенный бритоголовый амбал, сидящий за рулем, моментально покидает свое место, оставляя нас вдвоем.

Мое сердце стучит как у перепуганного зайца, руки дрожат так, что приходится сжать их в кулаки. Я не хочу показывать свой страх, потому что в этом случае у меня больше шансов остаться целой. В том, что этот мужчина хочет мне навредить нет сомнений. Для чего тогда он затолкал меня в свою огромную машину и разглядывает как забавного зверька из зоопарка?

– Ну что, Анята, – прищурившись, мужчина смотрит мне в глаза, и меня пробивает дрожь. Он похож на голодного хищника, загнавшего в тупик жертву. – Делаешь вид, что не помнишь меня или правда забыла?

– Кто вы? Откуда знаете мое имя и о процедуре?

– Ответ ведь очевиден, дюймовочка, не находишь? Успокаивайся-ка давай и включай голову. Я сейчас начну задавать вопросы, а ты будешь отвечать на них предельно честно. Это в твоих интересах. Поняла?

От шока и страха я не могу пошевелиться, а потому просто моргаю в знак согласия. Как получилось, что я, прилеж-

ная студентка, которая в жизни не была замешана ни в чем криминальном, сейчас сижу в машине с этим явно опасным типом? Что ему от меня нужно? Как он вообще меня нашел? И собирается ли отпустить?

– Вот и отлично. Первый вопрос: помнишь, как меня зовут?

Я кручу головой. Помню? Откуда мне вообще это знать?

– Интересное кино получается, если ты не врешь, Аня, – иронично тянет мужчина. – Хотя на врунюю... – его взгляд падает мне на губы и возвращается к глазам, – ты не похожа. Скорее, на перепуганного олененка. Ну давай еще раз познакомимся. Я Богдан.

К моему страху неожиданно присоединяется смущение. Этот Богдан так пристально на меня смотрит и так близко сидит. Я вообще часто смущаюсь мужского общества – мне комфортнее с подругами – а этот мужчина к тому же старше меня лет на пятнадцать и очень красив. И даже глубокий шрам на щеке его не портит. Ой, не о том я думаю. Мне его бояться надо. И как он сказал? Познакомимся «еще раз»?

– Я Аня, – лепечу я, опуская глаза. Мысли начинают оживляться у меня в голове, давая нужные подсказки.

Я не помню той ночи, после которой оказалась беременной, а теперь вдруг появляется этот мужчина и намекает на то, что мы с ним уже знакомы. Говорит, что может быть отцом моего ребенка... Ох... Неужели это то, о чем я думаю?

Я впиваюсь взглядом в его лицо, изо всех сил пытаюсь вос-

кресить его в памяти. Зеленые глаза... прямой нос с небольшой горбинкой... чувственный красивые губы и смуглая кожа... Запах... я помню его запах.

– Вижу, начинаешь вспоминать, дюймовочка, – насмешливо произносит мужчина. – Надо сказать, сегодня ты ведешь себя куда скромнее. И танца с раздеванием от тебя, видимо, ждать не придется.

Его изумрудный взгляд пробегается по моим ключицам, и их словно кипятком обжигает. Щеки краснеют, хочется приложить к ним ладони, чтобы охладить. Танец с раздеванием? Он спятил? О чем он вообще говорит?

– Мне не нравятся ваши намеки, – возмущенно заявляю я. – Послушайте, я студентка второго курса экономического. Живу скромно, никому дорогу не перехожу. Просто скажите, что вам от меня нужно. А то мне не нравятся эти загадки.

– Ух ты какая, – впервые за наш недолгий разговор на лице Богдана появляется улыбка, от которой на секунду замирает сердце. Она у него очаровательная, почти мальчишеская. – Дюймовочка у нас с зубками, да?

И так же быстро эта улыбка исчезает, и лицо мужчины снова становится жестким, как и его тон.

– Корчить из себя невинную овцу не нужно – поздновато. В моем клубе ты себя вполне вольготно чувствовала, не блеяла и глаза не опускала. Хорошие девочки ведь в стриптизе не идут, правда? Меня ты соблазняла вполне профессионально.

– Соблазняла? Стриптиз? – от удивления я даже про свой

страх забываю. – Какой еще стриптиз? Я пришла в клуб по объявлению... Требовались официантки. Ресторан, в котором я работала, закрылся, а мне нужна была подработка. Администратор Алексей сказал, что будет собеседование с владельцем... Владелец – это вы?

Мысли в голове превращаются в кашу, нервы сдают, а глаза начинает нещадно колоть от смятения и непонимания. Какой стриптиз... Я никогда таким не занималась... Даже танцевать толком не умею.

Всхлипнув, я опускаю голову, чтобы не спрятать свои слезы. Я думала, что хуже аборта в моей жизни уже ничего быть не может, а тут этот Богдан со своими расспросами. Неужели это с ним я спала? Он меня изнасиловал?

Вдруг рука, пахнувшая туалетной водой и сигаретами, обхватывает мой подбородок и тянет его вверх.

– Ну-ка посмотри на меня, соблазнительница, – хрипло цедит мужчина, оглядывая мое заплаканное лицо. – Пила что-нибудь перед собеседованием?

– Не ваше дело...

– Не раздражай меня, милая. Отвечай на вопрос.

Я судорожно перебираю в голове обрывки того злосчастного вечера. Мне и еще несколькими девушками велели ждать за столом прихода владельца, который примет окончательное решение о приеме на работу... Кажется, нам предложили вино... Я отказалась, и тогда мне принесли чай... А дальше темнота.

– Я пила чай... В чайнике... Молочный улун, кажется. Очень вкусный.

– «Очень вкусный», – передразнивает меня мужчина. – Дите, е-мае. Ну Саня, ублюдок чертов. А я еще голову ломал, как вышло, что такая прожженная девка и...

Эту фразу он не заканчивает и раздраженно встряхивает головой.

– Это были... вы? – смахнув катящиеся слезы, я заглядываю ему в глаза. – Это мы... с вами?

– Ты мне на другой вопрос ответь, Анюта, – тон мужчины снова становится требовательным. – Кроме меня, у тебя другие мужчины были?

– Когда я пришла к вам в клуб у меня вообще никого не было...

– То, что ты в ту ночь была девственницей, я уже понял – не маленький, – перебивает меня Богдан. – После меня у тебя еще кто-нибудь был?

Мои щеки тут же вспыхивают:

– Да как вы смеете меня в таком обвинять? Кто я по-вашему? Я с утра до ночи учусь, чтобы себе будущее обеспечить!!! Вы может и привыкли всех женщин считать ничтожествами, но я...

– Вот и умница, дюймовочка. Так впредь и останется, потому что гуляющие чайки мне не нужны. Но предупреждаю:

если соврала – тебе не поздоровится. Про светлое будущее сможешь точно забыть. Вранье – это то, чего я никому не прощаю.

Мужчина смотрит на меня, а я смотрю на него, пытаюсь переваривать новую информацию: это красивый и явно опасный человек – отец моего ребенка. Это ему я хотела плюнуть в лицо. Вот только интуиция подсказывает, что если я это сделаю – мне и правда не поздоровится. Но сидеть-то с ним я точно не обязана.

– Теперь я могу идти? – как можно тверже говорю я, шаря за спиной в поисках ручки.

– Куда, милая? – усмехается мужчина. – Все еще надеешься успеть на «процедуру»? Сейчас мы поедem в твою общагу собирать вещи. Раз уж так вышло, что ты от меня забеременела – будешь рожать.

Аня

– Откуда вы знаете, где находится мое общежитие? – шокировано спрашиваю я, когда машина Богдана тормозит возле знакомого входа.

Мужчина отрывает глаза от телефона, в который смотрел все это время, и криво ухмыляется:

– Привычка у меня такая – все знать, дюймовочка. Неделю тебя разыскивал. Анют Воеводиных в столице как собак не резанных, – он кивает вперед, указывая на бритый затылок водителя. – Идите. Казим поможет тебе собраться.

Возмущение и паника снова накрывают меня с головой. Почему этот мужчина так свободно мной командует? Я совершеннолетняя и совершенно ничего ему не должна. Наоборот! Из-за него моя жизнь летит под откос. Я беременна и теперь понятия не имею, что мне делать с ребенком. Богдан явно хочет, чтобы я его оставила. Но я учусь, имею собственные планы на будущее и представления о том, какой вижу свою жизнь. Ребенок должен рождаться от любимого мужчины, а не тогда, когда его мать не помнит и половины о дне зачатия.

– Спасибо, что довезли, – с вызовом говорю я, глядя в зелёные глаза Богдана. – Но вещи я собирать не планирую, как и ехать с вами. Завтра у меня учеба, и мне нужно к ней готовиться. Я учла ваше желание сохранить ребенка, но мне нужно подумать.

Татуированные пальцы мужчины начинают постукивать по стрелкам его брюк, а в глазах появляется угрожающий блеск.

– Ты немного попутала, дюймовочка, – произносит он с обманчивой мягкостью. – Этого ребенка ты родишь, даже если мне придётся посадить тебя под замок на девять месяцев. Я за тобой не для того неделю гонялся, чтобы давать время подумать. В этой шараге на дешёвых макаронах мой сын расти не будет. Иди собирай вещи – и по возможности, только необходимое. Тряпки у тебя появятся новые.

– Вы не имеете права так со мной обращаться! – выкрикиваю я, на что водитель на переднем сидении начинает удивленно разглядывать меня в зеркале заднего вида. – Вы мне никто!

– Хватит орать, Анюта, – тихо цедит Богдан, поддаваясь ко мне лицом. – Ты носишь моего ребенка. Для меня это

достаточное основание, чтобы влезть в твою жизнь. Нервничать тебе сейчас нельзя, поэтому не вынуждай меня действовать другими методами. Насчёт учебы можешь быть спокойна: ты продолжишь на нее ходить. Моему сыну не нужна дур-мать.

Он переводит взгляд на водителя и делает лёгкий кивок головой:

– Казим.

Пассажирская дверь распахивается, а на моем локте деликатно, но твердо смыкается мужская рука.

– Я под конвоем, что ли? – шиплю я, когда этот Казим начинает насильно вести меня ко входу в общежитие.

– Богдан Олегович считает, что так надёжнее, – рокошет мне в ответ.

Наша с Кариной комната пуста, потому что она все ещё находится на занятиях. Может, оно и к лучшему: не придётся объяснять ей весь этот бред. Что мне делать? Можно закричать о похищении и попросить вызывать полицию, но мне страшно. Кто знает, чего ожидать от этого амбала и его хозяина? О каких "других" методах говорил Богдан? Вдруг Ка-

зим достанет пистолет и перестреляет всех, кто встанет на его пути? Нет, ну а кто их знает?

– Только необходимое, – напоминает мой конвоир, когда я начинаю открывать шкафы.

А я и не планировала брать много вещей. Только сменную одежду и косметику. Этот татуированный нарушитель закона всерьез думает, что я буду жить с ним? Или где он там собирается меня поселить? У меня своя жизнь, подруги... Ох, Карина будет сильно волноваться. Надо оставить ей записку. Нет, напишу ей смс.

– Готово, – буркаю я, перевешивая через плечо сумку, которую Казим моментально забирает.

– Да вы джентльмен? – ехидничаю я.

– Мало вещей, – скептически произносит он, игнорируя мой вопрос. – Богдану Олеговичу это не понравится.

– Мне все равно, что там ему нравится, – огрызаюсь я, чувствуя, как к глазам подкатывают слезы. Я храбрюсь, но мне чудовищно страшно. Мама далеко, а больше меня никому защитить.

– Чувствую, от тебя будут одни проблемы, – тихо вздыхает Казим, толкая дверь из комнаты. – Выбрал же Богдан скандалистку на свою голову. Он терпеть не может, когда с ним спорят.

Аня

Когда перед автомобилем разъезжаются ворота, мне не удаётся сдержать изумлённый вздох. Этот роскошный дворец и прилегающая к нему территория необъятных размеров принадлежат Богдану? Да я такие только в кино и журналах видела!

Автомобиль медленно катит по вымощенной камнем дорожке прямо к двухэтажному особняку с высокими белыми колоннами. Боковым взглядом я замечаю, что Богдан внимательно за мной наблюдает. Ждёт, что я голову потеряю от всего этого богатства и скажу "я твоя навеки"? Ну уж нет. Не дождётся!

Водитель глушит двигатель, Богдан выходит из салона первым, обходит машину и подает мне руку. Она у него большая и теплая. Не рука, а ручища, и моя ладонь буквально тонет в его.

– Пойдем проведу тебе краткую экскурсию по дому, дьюмовочка, – произносит Богдан с лёгкой усмешкой. – Пока у меня есть время.

То, что он держит меня руку, будто мы пара, заставляет меня краснеть. Я резко выдергиваю ладонь, как только обе мои ноги соприкасаются с землёй, на что Богдан усмехается еще выразительнее. Смешно ему.

Я правда буду жить в этом дворце? Может, тут ещё и горничные есть? Сумасшествие какое-то! Где только люди деньги берут на такую роскошь?

Внутри дома оказывается ещё красивее, чем снаружи. Первый этаж вообще напоминает вестибюль оперного театра: кругом зеркала, есть лестница, украшенная белоснежными балясинами, а с потолка свисает царственная люстра размером с нашу комнату в общежитии.

– Это моя спальня, – произносит Богдан, открывая дверь на втором этаже.

Посреди комнаты стоит большая двуспальная кровать, застеленная тёмно-синим покрывалом. Темные шторы, темная мебель и темные стены. Это жилище дьявола вполне подходит Богдану.

– А не стану спать с вами! – от возмущения мои щёки вспыхивают ярким румянцем. Не зря же он первым делом потащил меня к себе в комнату?!

– Выдыхай, дюймовочка, – Богдан насмешливо щурит изумрудные глаза. – Я привык спать один и всегда делаю это без одежды. Твоя комната находится по соседству.

Такие откровения заставляют мои щёки гореть ещё сильнее. Умом я понимаю, что мне лучше подружиться с Богданом, но от него слишком веет опасностью, чтобы я могла хотя бы ненадолго расслабиться. Я откровенно побаиваюсь его.

– В доме есть бассейн, библиотека, баня, спортзал. С последним придется повременить. Надеюсь, ты не из тех, ко-

му упругая задница важнее здоровья ребенка. Беременность должна проходить спокойно.

– У меня нет времени на спортзал, – огрызаюсь я. – Я много учусь и работаю.

Мне моментально хочется стукнуть Богдана, потому что его взгляд беззастенчиво опускается на мою пятую точку.

– Ну надо же, – ухмыляется он. – А на ощупь она такая, будто ты из тренажёрки не вылезает.

Я теряю дар речи. Просто открываю и закрываю рот. Как он имеет так легко напоминать мне о той ночи?! Когда я ничего не помню!! Самодовольный гад!

Мне хочется уколоть его в ответ, но пока я пытаюсь придумать как, Богдан заводит меня в следующую комнату.

Она лишь немного уступает в размерах комнате хозяина особняка. Здесь огромная гардеробная, отдельная ванная с джакузи и есть своя терраса. Обалдеть... Мне все ещё кажется, будто я сплю.

– Твои апартаменты на ближайшие восемь месяцев, Аня, – говорит Богдан. – Располагайся и чувствуй себя как дома.

Дверь за ним захлопывается, и я остаюсь одна.

Спустя пару минут Казим приносит мои немногочисленные вещи и сообщает, что через полчаса Богдан ждёт меня на ужин.

– Спасибо, я не голодна, – ворчу я, забираясь с ногами на кровать. Я пока не могу решить, какую стратегию поведения

выбрать. Мне необходимо дать Богдану понять, что его добровольной пленницей я быть не собираюсь.

– Аня, советую не злить хозяина, – говорит Казим, перед тем как исчезнуть за дверью.

"Хозяина" – передразниваю его я и достаю телефон. Нужно написать Карине о том, что со мной всё хорошо.

Пока я печатаю сообщение, вдруг вспоминаю о цветке, оставшемся на подоконнике в общежитии. На глаза наворачиваются слезы: я хочу вернуться в свою обычную жизнь, к друзьям. Мне не нужна вся эта роскошь.

Тогда я принимаю решение, что спускаться на ужин не буду. Все равно из-за этих переживаний я не чувствую себя голодной. Мой организм лучше знает, что ему нужно.

Сняв с себя уличную одежду, переодеваюсь в домашнее платье, в котором обычно хожу по общежитии, и застываю. Потому что дверь в комнату бесцеремонно распахивается и на пороге возникает Богдан. Судя по хмурому лицу, он явно недоволен моим отказом спуститься на ужин.

Быстро одергиваю платье вниз и смотрю в его потемневшие от гнева глаза. От страха хочется сбежать куда угодно. Хоть в ванной запереться.

– Я ждал, что ты спустишься, но так и не дождался, – медленно цедит мужчина.

Я сглатываю и тихо пишу:

– Я не голодна.

– Мне плевать, Анята. Мой ребёнок должен нормально

питаться, чтобы расти здоровым. Живо спускайся.

– Богдан... как Вас там по отчеству, – набираю полные лёгкие воздуха и чувствую, как гнев приливает к лицу. – Какое право Вы имеете распоряжаться мной и моим телом? Тот факт, что я ношу вашего ребёнка никаким образом...

Договорить мне не удастся, потому что Богдан подхватывает меня на руки и закидывает на плечо, словно я невесомая пушинка.

– Что Вы себе позволяете! – я отчаянно молочу кулаками по его широкой спине. – Поставьте меня на землю немедленно!

– Будь послушной, дюймовочка, – отвечает с насмешкой Богдан и, одёрнув мое задравшееся платье, звонко шлёпает меня по ягодице. – На тебя у меня всегда управа найдется.

Богдан

На входе в клуб «Ривьера», владельцем которого я являюсь, меня встречает управляющий Алексей. Бежит за мной как щенок, потерявший хозяина, и заискивающе поскуливает:

– Богдан Олегович, сегодня Игорь Чашин заезжал и спрашивал...

– Рот свой улыбастый закрой и живо дуй ко мне в кабинет. Разговаривать будем.

Улыбаться Леша моментально перестает, бледнеет и вообще начинает походить на сдувшийся воздушный шарик. Видит, гаденыш, что батя зол.

– Слушаю, Богдан Олегович, – блеет он, прикрыв за собой дверь.

– Собеседование на должность стриптизерш два месяца назад помнишь, Леша?

Управляющий тарашит на меня перепуганные глаза и делает нервное движение кадыком.

– Их вроде не одно было. Все и не упомнишь.

– А ты уж упомни, пожалуйста, Леша, – саркастично потешаюсь я. – Очень нужно мне. Сможешь?

Поняв, что сморозил глупость, гаденыш кивает.

– Я тебя попросил девочку понравившуюся за стол ко

мне привезти. Худенькая, светлые волосы, глаза на пол лица, обалденная попа. Анютой звали. Вспоминаешь?

Алексей закатывает глаза и фальшиво морщит лоб, делая вид что копается в памяти. Об стол его, что ли, носом приложить, чтобы думал побыстрее и время мое не тратил? Актеришка дерьмового театра.

– Вроде бы да, Богдан Олегович, вспоминаю. Девятнадцать лет, симпатичная.

– Симпатичная? – продолжаю глумиться я. – Правда, что ли? А когда это я крокодилиц к себе за стол звал? Ты лучше мне, дубина, ответь, на какую должность эта девочка пришла устраиваться?

– Так на стриптизершу вроде.

– Вроде? А если подумать? Предупреждаю, Леша, соврешь – я тебе такого пинка под зад дам, что лететь будешь прямиком до своего Мухосранска.

– Она пришла на официантку устраиваться, – начинает быстро лопотать управляющий, поняв, что дела плохи. Все-таки не до конца он дурак. – Вы же девочку за стол попросили и ее выбрали. Я и не думал, что есть разница, стриптизерша она или официантка.

– Ты за идиота меня держишь, Леша? – рывкаю я, от злости ударяя ладонью по столу. – Считаешь, что между теми, кто голым задом со сцены трясет и кто в одежде бухло по столам разносит, разницы нет? Ты чего ей в чай подмешал?

– Так она зажатая была. А вы же хотели... Вам понрави-

лась она. Вот я и постарался.

– Накачав ее дрянью? Три года у меня работаешь, но таким дебилом впервые себя выставил. Мне, по-твоему, все равно, кого в кровать к себе тащить? Мне тридцать три года, а не пятнадцать. Девчонка в невменяемом состоянии была и своего первого раза не помнит.

– Так я же не знал, что она... – От волнения идиот начинает заикаться. – Думал...

– Думал он. Скройся отсюда, Леша, чтобы я не видел тебя подольше. А то уж очень большой соблазн нос тебе вправить.

– А насколько скрыться?

– Ты точно дурак. Насовсем, конечно. Ты у меня больше не работаешь.

Дверь захлопывается, пряча за собой понурое лицо управляющего, а я открываю ноутбук и первым делом смотрю домашние камеры. Как там ведет себя моя новая гостья? Ничего особо не изменилось. Так и сидит на кровати в позе йога и смотрит в телефон.

Сюрприз вышел с этой девчонкой. Захотелось развлечься в вечер пятницы, но стриптизершами я обычно брезгую. Негритянский загар, тонны косметики и силиконовые буфера меня уже лет десять как не привлекают, поэтому Аня сразу бросилась в глаза. Кожа как взбитые сливки, личико не пошлое, красивое как с картинки. Ну и фигура на пятерочку: худая, а все выпуклости при ней. Я еще тогда подумал: чего она в стриптиз подалась? Такой бы крема рекламировать

или в любовницах у богатого папика ходить.

Попросил Алексея ее ко мне за стол пригласить, чтобы поближе приглядеться. А оказалась девчонка совсем не робким олененком: болтала без умолку, глазками стреляла, смеялась едва ли не над каждым словом. В общем, вела себя как надо. Как только я предложил ко мне в номер пойти, ни секунды не раздумывала. А потом вообще удивила. Сама на колени ко мне залезла и так извивалась, что мертвый бы воскрес.

И бах! Такой сюрприз. В процессе выяснилось, что я у нее первый. Я дар речи потерял. Вообще ни черта не понял, но девчонка мне шибко понравилась, чтобы выяснять что к чему и мораль ей читать. Анюта после всего в номере отключилась, а я уехал к себе домой. У меня принцип: не ночую с разовыми девками.

Денег я ей, конечно, оставил, а только двумя неделями позже узнал, что Анька их не взяла. Потом отдохнуть уехал на Мальдивы с любовницей, а по возвращению понял, что дюймовочка эта хохочущая не выходит у меня из головы. Не срасталось что-то: невинность ее и работа в стриптизе, зажигательные танцы на коленях и деньги, которые она не взяла. Я же калач тертый – знаю, как обычно бывает. А тут загадка. Короче, решил я эту Анюту найти и Казиму дал задание. Когда он сказал, что она в женскую консультацию побежала, меня как по голове шарахнуло. На врачуху пришлось надавить и сдала она Анюту. Дюймовочка-то, беременна оказалась. По срокам совпадает. Я отец.

Раздумывать долго не пришлось. Годков мне прилично, а бизнес, хоть и не совсем законный, нужно кому-то оставлять. Анька девочка красивая, молодая, здоровая, и я у нее первый. На роль матери идеально подходит, а как дальше будет – разберемся.

Аня

Несмотря на утреннее недомогание, я чувствую себя отдохнувшей и полной сил отправиться на учебу. И даже хорошо выспалась ночью. Быстро собравшись в университет, я на минуту выхожу на балкон и осматриваю раскинувшееся великолепие. Ума не приложу, чем промышляет этот табуированный нарушитель закона, но хочется думать, что не криминалом.

Комната, как и сам дом просто великолепны, а вид, который открывается с террасы на рассвете... О таком можно лишь мечтать. Но я не мечтала! У меня были другие планы на ближайшие девять месяцев. Впрочем, как и на жизнь. А теперь что? Что меня ждет?

Спустившись вниз, я забираюсь в ожидающую меня машину и достаю телефон, чтобы набрать Карине. На сообщение она мне не ответила. Зато несколько раз звонила, но я решила отложить все разговоры до личной встречи. А кому как не ей рассказать обо всем, что случилось?

– После занятий мне необходимо заехать в общежитие, – говорю я каменной глыбе за рулем, когда машина останавливается возле университета. Я хочу забрать свой цветок. Если повезет.

Казим ничего не отвечает, и вместо этого раздается звук

разблокировки дверей.

Покосившись в сторону отъезжающей машины, я понимаю, что водитель не уточнил во сколько меня забирать. И это к лучшему. Потому что я не хочу возвращаться в дом Богдана.

– Аня! – Карина налетает на меня сразу же, как только я переступаю порог аудитории. – Ты куда исчезла? Это правда? Я звоню тебе, звоню... Что случилось? Ты в самом деле нашла отца ребенка?

– Он меня нашел. Представляешь? Я о нем ничего не помню, а он... – я морщусь, представляя лицо Богдана. Бесцеремонный, наглый. Господи, неужто это с ним я провела свою первую ночь? А еще он так пошло мне вчера улыбался и шлепал по заднице, откровенно рассматривал за ужином... Страшно представить, как я себя вела с ним, и что он вытворял со мной, если отпускал все эти колкие фразочки. И представлять я ничего не собираюсь! Даже к лучшему, что я ничего не помню, а иначе сгорела бы от стыда.

– Не может этого быть! И что? Что он сказал? Будет устанавливать отцовство?

– Наверное, будет... – я пожимаю плечами. – Он оказался хозяином ресторана, в который я приходила устраиваться официанткой. Мне подмешали какой-то дряни и отвели к нему за столик... Поэтому я ничего не помню.

– С ума сойти. Сюжетец похлеще чем в кино показывают! – тянет Карина, с недоверием смотря на меня.

Да уж... Не поспоришь.

На лекциях у нас не представилось возможности поболтать, поэтому мы решили, что после занятий сходим в кафе и там спокойно все обсудим. Вместе попробуем найти выход из сложившейся ситуации. А он обязательно должен был быть! Мой насильный переезд – это недоразумение.

– Казарина, – раздается строгий голос преподавателя, когда по окончании лекции мы идем к выходу из аудитории. – Задержитесь. У меня есть к вам вопрос.

– Жду тебя снаружи, – шепчу я Карине.

В коридоре шумно и душно, и внезапно чувствую приступ головокружения. Перед глазами замелькали черные мушки и меня повело в сторону.

– Эй, Анют, все хорошо? – Паша Славин вмиг оказывается рядом и подхватывает меня под руку. – Ты вся позеленела. Пойдем, выведу тебя на улицу.

Паша старше меня на два года и когда-то даже пытался за мной ухаживать. Но куда мне с мальчиками встречаться, когда я мечтаю выучиться и крепко встать на ноги?

– Ну что? Получше? – спрашивает он, с тревогой смотря мне в лицо.

– Ага, – слабо улыбнувшись, я отпускаю его руку, потому что слишком уж сильно прижалась к парню. Не хватало, чтобы Паша воспринял это как намек к действию. Мне и без него проблем хватает теперь. – В коридоре было душно... – я осекаюсь, потому что в эту секунду замечаю знакомый вне-

дорожник и Богдана, курящего рядом. Он решил вконец доконать меня? Зачем приехал?

– Вот это да, таких у нас еще не бывало... Глянь какие плечи! – восхищенно кудахчет одна из девушек, стоящих неподалеку.

– А мне больше интересно рассмотреть его татуировки, – раздается смех другой.

– За кем же он приехал? Какой мужик, а... Давай подойдем.

Я недовольно кошусь в сторону темненькой девочки, которая не сводит горящих глаз с Богдана. Какой – такой? Что в нем необычного?

Богдан замечает меня и, откинув сигарету, направляется в мою сторону. Меня обдаёт жаром, а потом бросает в холод. Обязательно было приезжать самому?

– Анютка, – Паша не вовремя тянет руки к моему лбу, почувствовав, что дрожу. – Ты часом не приболела? Давай провожу тебя до общежития?

– Руки убрал от нее, – раздаётся холодный голос Богдана. На смену оцепенению приходят гнев и раздражение. Да что он о себе возомнил?

– Ты кто? – шипит Славин, едва на его лицо падает тень. Богдан вкладывает руки в карманы брюк, а его губы раздвигаются в дерзкой и наглой усмешке.

– Отец ее ребенка, а ты?

Аня

И я снова открываю и закрываю рот, не в силах выдать из себя ничего связного. Богдан действительно только что во всеуслышание заявил, что он отец моего ребенка? Он спятил?! Никто кроме Карины понятия не имеет, что я беременна!

Пашка от шока язык проглотил. Хлопает глазами и даже назад отошел. Со всех сторон разносятся женские шепотки, от которых я готова сквозь землю провалиться. Меня теперь только ленивый обсуждать не будет! Строила из себя недоτροгу, занятую учебой, а в итоге оказалась беременной от типа в татуировках.

– Ну что стоишь как чужая, дюймовочка? – ручища Богдана ложится мне на талию и по-свойски тянет к себе на глазах у изумленных однокурсников. – Ни на секунду одну нельзя тебя оставить, как я посмотрю.

Он снова поворачивается к Паше.

– Это мое, усек? Руки свои шаловливые держи при себе и в сторону Анюты смотреть не смей. Узнаю, что не послушался – накажу.

Женские шепотки становятся громче и восторженнее. Я злюсь. Им что, нравится это представление? То, что неизвестный мужчина угрожает Пашке?

– Что вы себе позволяете? – недовольно шиплю я, пытаюсь сбросить с себя руку Богдана. – Не смейте позорить меня на глазах всего университета.

– А кто тебя позорит, дюймовочка? – широко ухмыляется Богдан и тянет меня за собой. – Обычное мужское дело: пометить территорию. Ты же не думала, что матери моего ребенка будет позволительно с другими встречаться?

– То, что у нас по чудовищной случайности появился общий ребенок не дает вам права распоряжаться моей жизнью! – возмущенно верещу я. – Если я захочу встречаться с парнем, имея огромный живот – я это сделаю.

Я говорю это просто из духа противоречия. Представить не могу, что будучи беременной, начну с кем-то встречаться. Если уж я раньше не начала, то было бы странно сделать это сейчас.

Но Богдан мой выпад явно не оценил, потому что из насмешливого и вальяжного его лицо становится каменным.

– Ты снова попутала, Аня. Не носила бы ты моего ребенка – делала бы что захотела. Хоть в тридцатиградусный мороз с горки голой катайся – наплевать. В женщинах у меня недостатка нет, они сами в очередь под дверь выстраиваются. Но если уж у тебя в животе мой сын растет, будешь вести себя прилично. Никаких свиданий и обнимашек с сокурсниками. Йога – фрукты – птички – классическая музыка.

– Да что вы заладили: сын да сын?! – перебиваю его я. – Может у меня девочка родится?

– У меня первый пацан будет, – самодовольно хмыкает Богдан. – По-другому и быть не может. Но если сильно попросишь, – он усмехается и без смущения смотрит в декольте моей клетчатой рубашки. – Сделаю потом тебе девочку.

Я заливаюсь краской. Ну что за невыносимый тип! Ему нравится меня смущать!

– Будьте спокойны, не попрошу, – фыркаю я, всем своим видом давая понять, что эта идея кажется мне смешной и нелепой. – Я, кстати, уверена, что у меня родится дочка! И что тогда? Ребенок перестанет быть вам нужен?

– Ерунду порешь, Аня, – цедит Богдан, становясь мрачным. – Я нелюдь по-твоему? От дочки не откажусь, но мне нужен сын, чтобы было кому бизнес передать.

– Нужен ему, – бурчу я, отворачиваясь. – А мне нужно было учебу закончить и работу найти. Не все идет по плану.

– А ты значит решила, что рожать хочешь? Если про пол ребенка подумала?

Эта мысль, произнесенная вслух, меня и саму удивляет. Неужели я и правда все решила? Буду рожать от этого несносного человека, которого толком даже не знаю? Получается, что так. Если у ребенка появился отец, который его хочет, то я точно смогу стать ему хорошей мамой. Пусть Богдан меня раздражает, но он все же не такой ужасный, каким мне сначала показался. Татуировки он, может быть, в молодости сделал, ужасная манера разговаривать – просто часть его имиджа, а распоряжения он привык отдавать, по-

тому что занимает руководящую должность. Из него должен получиться отличный отец.

Богдану я ничего не отвечаю и вместо этого задаю встречный вопрос:

– И куда мы сейчас едем?

– В ресторан. Худая ты больно, дюймовочка. Поедем кормить тебя и моего сына.

Богдан

Ресторан "Джованни" впечатляет своим роскошным интерьером. Вокруг сидят разодетые мужчины и женщины и в этот момент мне становится стыдно за свой скромный наряд. Наверное, было бы уместнее приехать на ужин в каком-нибудь вечернем платье. Теперь мне кажется, что все вокруг пялятся в нашу сторону и осуждают меня за непрезентабельный внешний вид.

Заметив моё смущение, Богдан берет меня за талию и буквально подталкивает к стойке администратора. Прикосновение теплой ладони заставляет кожу под рубашкой буквально жечь. Этот жест собственнический, немного развязный, и почему-то щёки начинают пылать.

– Здравствуй, Ленуся. Организуй-ка нам с моей спутницей столик, – обращается Богдан к девушке-администратору.

Она тут же выходит из-за стойки и кокетливо улыбается. Лена красивая, словно сошла с обложки дорогого глянцевого журнала: фарфоровая кожа, длинные ресницы, блестящие волосы и пухлые губы бантиком.

– Здравствуйте, Богдан Олегович. Давно вас не было!

– Дела-дела.

Администратор кокетливо хихикает и проводит нас к дальнему столику у окна, всячески игнорируя моё присутствие. Будто я здесь лишняя, пустое место среди богатства и великолепия. Со стороны даже мне заметно, как часто Лена пытается притронуться к плечу Богдана, как с жадностью ловит на себе его взгляды и словно губка впитывает каждое сказанное им слово.

– Ваш любимый столик, Богдан Олегович! Всё по высшему разряду.

– От души, Ленуся, – весело произносит он, не глядя на нее, и галантно отодвигает для меня стул.

Даже не думала, что у таких мужчин как он имеются манеры. Благодарно киваю, сажусь на место и открываю меню. От цен невольно впадаю в ступор. За один салат здесь я могла жить в общежитии неделю! Надеюсь, что произошла какая-то путаница и сотрудники ресторана просто забыли поставить запятые после первых трёх цифр.

– Богдан... Олегович, в прошлый раз я оставляла Вам свой номер телефона... – доносится до меня заискивающий голос Лены.

Она всё ещё стоит у нашего столика и продолжает строить глазки Богдану. Похоже он в этой обдираловке частый гость. И Лена знакома с ним близко. Должно быть ближе, чем я могу себе представить, судя по её горящим глазам. Впрочем, мне абсолютно всё равно. Мы друг другу никто. Родители общего ребёнка, которого я вынашиваю.

Делаю вид, что внимательно изучаю меню, и как не стараюсь, не могу не подслушивать их разговор:

– Возможно, вы потеряли номер, поэтому я решила написать его снова...

В этот момент я даже завидую её настойчивости, потому что не умею так открыто навязываться. Где-то в глубине души неприятно скребёт, потому что я чувствую себя никчёмной на фоне красивой и яркой Лены. Тут же хочется раствориться и отсюда исчезнуть.

– Не потерял, Лена, просто дел невпроворот. Завтра, например, еду в клинику с матерью моего будущего наследника, – Богдан опускает свою ладонь на моё плечо и слегка по-

глаживает.

Во мне сразу же зреет волна протеста: опять он заладил со своим наследником! А мне хочется девочку... Не только, чтобы утереть Богдану нос, конечно же. Но потом на смену негодованию приходит странное удовлетворение от того, что Богдан на моих глазах отшил настырную сотрудницу ресторана при этом указав на мой статус с какой-то особой гордостью.

Не удержавшись, поднимаю взгляд на Лену. Вижу, как удивленно вытягивается её лицо и заливается густым румянцем. Она бормочет что-то бессвязное и убегает на своё рабочее место.

– Что это у тебя кожа мурашками покрылась, а, Анюта? – ладонь Богдана всё ещё поглаживает мое плечо и от его прикосновений происходит странная и неподвластная мне реакция. По телу разливается сладкая нега, под кожей будто пузырьки разбегаются.

– Замёрзла, – бормочу я и для достоверности обнимаю себя за плечи. – Вот странно, заведение помпезное, а на отоплении экономят.

Усмехнувшись, Богдан садится напротив меня. У него

красивая улыбка. Только сейчас отмечаю это про себя: в меру полные губы, белоснежные зубы и едва заметные ямочки на щеках.

– Завтра поедешь за шмотками, дюймовочка. Прикупи всё, что тебе нужно: платья, рубашки, обувь, белье.

Мне понятно, к чему он клонит. Среди всего окружения я смотрюсь словно неуместное пятно в своих джинсах и рубашке.

– А вы тоже со мной поедете? – спрашиваю я до того, как успеваю подумать, и моментально краснею.

В ответ Богдан ухмыляется еще шире и окидывает меня таким взглядом, что у меня в жар бросает.

– А ты хочешь, чтобы я поехал с тобой? Я же мальчик взрослый, Анюта, а не твоя подружка. С походом за тряпками сама справишься сама.

В течение ужина к нашему столику то и дело подходят здороваться люди. Я сбилась со счёта сколько мужчин в дорогих костюмах уважительно пожимают руку Богдану, лишь из вежливости желая ему и его «прекрасной» даме приятного вечера.

В этот момент мне становится интересно, чем занимается Богдан? У него красивый дом, дорогая машина и достаточно денег, чтобы вывалить за один только ужин пятизначную сумму. Ночной клуб, куда я приходила устраиваться официанткой, тоже принадлежит ему. Неужели только поэтому у него столько знакомых? Вопросов в голове гораздо больше, чем информации об отце моего ребёнка.

Аня

В бутике, в который привез меня Казим со мной обращаются, как с королевой. Для меня такое в новинку. Девушка-консультант помогает подобрать мне все: начиная от белья и заканчивая резинками для волос. Домой я возвращаюсь с тремя огромными пакетами и несколькими коробками обуви.

Казим относит все наверх, а я, освежившись в душе, принимаюсь разбирать покупки. Осматриваю все по новой и раскладываю по шкафчикам. Этот процесс так меня увлекает, что я начинаю что-то примерять и крутиться перед зеркалом. Мельком взглянув на свое отражение в белье, которого бы в жизни не смогла себе купить, опускаю глаза на живот и пробую представить, как буду с ним выглядеть.

Внезапно дверь в комнату открывается, а на пороге появляется Богдан. Его глаза пробегаются по моему телу и задерживаются на груди, которая с наступлением беременности стала на размер больше. Что-то неуловимое промелькивает в его взгляде, а глаза становятся темными.

– Богдан... Олегович, – лепечу растеряно, не ожидая увидеть мужчину. Схватив первую попавшуюся тряпку, прикрываюсь, чувствуя себя так, словно меня застали за чем-то постыдным. – Прежде чем входить, нужно было постучать.

– Дюймовочка, я в своем доме, – медленно тянет он и делает несколько шагов мне навстречу. – Этот комплект ничего, покажешь, что еще купила? – мои щеки становятся пунцовыми, а дыхание частым. Я возмущена этим внезапным появлением мужчины, но еще больше своей реакцией.

От внимания Богдана не ускользает, что я смущено отвожу взгляд и пячусь назад. Ему нравится это делать? Нравится вгонять меня в краску? Не понимаю почему, но снова покрываюсь мурашками.

– Что? Опять замерзла? – дерзко приподнимает уголок губ и продолжает приближаться, не сводя с меня гипнотизирующего взгляда.

Он всем своим видом походит сейчас на хищника, который готовится к прыжку.

– Выйдете пожалуйста, – пишу я. – И впредь стучите, когда входите в мою комнату! Я не ваша пленница и не узница, а с моими желаниями необходимо считаться. Отойдите! – чуть ли не визжу, потому что он протягивает руку, а его пальцы касаются моих губ.

– Натуральные? – он сжимает нижнюю губу и наклоняется ко мне, словно собирается поцеловать, а я сглатываю нервный комок. Пульс учащается, эти прикосновения и бли-

зость крепкого сильного тела заставляют меня ощутить очередь коротких спазмов внизу живота.

– Выдохни, – шепчет он мне в рот, расплывается в дерзкой улыбке. Отстраняется и отходит от меня, а я и в самом деле выдыхаю, и едва не оседаю на пол от напряжения. – Сегодня поужинать вместе не получится. Я уезжаю по делам, – говорит он и направляется к двери. – Приятного вечера.

Дверь за ним закрывается, а я лишь спустя минуту понимаю, что так и стою, прижимая к груди какую-то тряпку. Сомневаюсь, что мое желание не врываться без стука учтется, поэтому впредь решаю не щеголять голышом по комнате, а переодеваться в ванной и закрываться при этом на замок.

Вечером раздается звонок от Карины, и я решаю – раз днем у нас поговорить не получилось, то приглашу ее сюда. Надеюсь, Богдан не будет иметь ничего против. Высылаю подруге адрес сообщением, а сама спускаюсь вниз, предупредить охрану, что ко мне приедет подруга.

В доме тишина и такой порядок, что от этой стерильности и чистоты рябит в глазах. Я прохожу на кухню, открываю холодильник и вздрагиваю, когда слышу за спиной незнакомый голос:

– Богдан Олегович распорядился, чтобы я приготовила вам ужин и отнесла наверх, – я впервые вижу эту женщину, а из всех людей, которых на территории этого двора, наверное, огромное множество, знаю в лицо только Казима.

– Нет, ничего не нужно. Ко мне сейчас придет подруга. Я сама что-нибудь приготовлю.

С детства привыкла все делать сама, и к тому же готовить мне очень нравится.

Карина появляется в доме спустя полчаса, я слышу ее голос из гостиной, точнее восторженные возгласы.

– Вот это дворец! Какой домина! Только не говори, что у него десять жен, а ты одиннадцатая, – смеется она.

– Не знаю, – пожимаю плечами и снова думаю о том, что Богдан, наверное, много работает, чтобы иметь такие богатства. И с таким достатком возможно и в самом деле содержать несколько семей...

Карина садится за стол, а я только сейчас обращаю внимание, что на том стопка бумаг.

– Отодвинь аккуратно в сторону, – прошу я, а сама беру в руки тарелку с закусками, которые приготовила для нас, пока ждала ее.

Несколько документов падают на стол, Карина суетится, поднимает их, неуклюже сдвигает все в сторону, и снова начинает осматривать обстановку с таким выражением на лице, что я не могу наблюдать за этим без улыбки. Наверное, я пару дней назад выглядела такой же потрясенной, как и она?

– Как в журналах по дизайну. Даже не верится... Ущипни меня, а? – говорит она, набивая рот брускетами с лососем.

Мы болтаем на кухне, пьем чай и так пролетает почти час. Я предлагаю ей подняться в свою комнату, как в этот мо-

мент слышу, что открываться дверь, а спустя минуту на кухне появляется Богдан. Он напряжен, глаза останавливаются на мне, а затем на подруге, и опускаются на стол, где лежат его бумаги, и на красивом лице застывает гневная маска.

Аня

– Это Карина – моя лучшая подруга, – тут же оправдываюсь я. – А это Богдан... Богдан Олегович.

Воздух на кухне будто наэлектризовывается. Чувствую себя совершенно неловко и, как могу, пытаюсь сгладить неловкую ситуацию между нами. В этот момент я думаю о том, что должна была предупредить Богдана. Это ведь его дом, а я здесь всего лишь временная гостья.

– Здравствуйте, Богдан, – Карина растягивает губы в улыбке и делает несколько робких шагов в его сторону. – Мы учимся в одном университете.

– Где выход знаешь, Алина? – цедит Богдан сквозь зубы.

– Карина, – поправляет подруга.

– Плевать. Всего доброго.

Мои щёки вспыхивают от стыда. Я сама допустила такую неловкую ситуацию с подругой. В конце концов она не виновата в этом и не заслужила к себе такого грубого обращения.

Я поднимаюсь со стула, беру Карину под руку и провожу в прихожую под пристальный взгляд Богдана. Иногда мне кажется, что он вполне адекватный и воспитанный человек, а иногда... я не на шутку боюсь его.

Карина возится слишком долго. Надевает туфли на каблуках и берёт в руки плащ, а затем вспоминает, что забыла

сумку на кухне!

– Вернись за ней, пожалуйста! – шепотом просит меня. – Боюсь, мне не поздоровится, если за ней вернусь я.

– Ладно. Жди меня здесь.

Богдан разглядывает бумаги и не обращает на меня никакого внимания. Осторожно юркаю мимо него, беру сумочку Карины и в этот момент он вдруг перехватывает мой локоть и дергает к себе.

Наши глаза встречаются. Его – темные и беспросветные как бушующий океан. Я слышу напряженное дыхание, улавливаю запах туалетной воды и нервно сглатываю от волнения. Пытаюсь вырвать руку, но у меня ничего не получается – его хватка слишком сильная.

– Вы делаете мне больно, – произношу с вызовом, хотя на самом деле мне хочется убежать к себе в комнату и спрятаться под одеялом.

Он не отпускает меня, но хватку всё же ослабляет.

– Я не терплю посторонних людей в своём доме. Чтобы духу этой Марины здесь больше не было. Увижу еще раз – выпихну на улицу без предупреждения. Поняла меня, дюймовочка?

В его голосе нет ни одного намёка на то, что он шутит. Взгляд холодный и опасный.

– Я тоже посторонняя, но вы почему-то упрямо меня здесь держите!

– Не путай берега, Анюта, – усмехается Богдан. – Ты та,

кто вынашивает моего наследника. А подружку твою я не знаю. Может, она шпионка.

Было бы смешно, если я не настолько разозлилась. Ну какая из Каринки шпионка? Болтливее её я в своей жизни ещё не встречала.

– Больше подобного не повторится, – выдернув локоть, отвечаю Богдану реверанс и иду в прихожую. Нет, на таких условиях я здесь не останусь. Запер меня в своем дворце и еще запретил приглашать друзей! Нужно придумать, как отсюда выбираться.

Богдан

– Серый, бумаги у меня, всё нормально. Звони нашим, я через час буду.

– Хорошо, Богдан. Толстый боров пока брыкается, но думаю к твоему приезду созреет для сотрудничества.

Я отключаю телефон, достаю из кармана пачку сигарет, подкуриваю, затягиваюсь. Сам на себя злюсь. Раньше за мной не замечалось рассеянности. Почему я забыл о бумагах? Ну да, конечно. Потому что в тот момент, как выходил из дома, звонил в клинику и записывал дюймовочку к врачу. Надо проверить ее подружку. Если информация утечет – пара не самых последних людей города надолго сядут, а я поймею кучу проблем.

Открыв окно, вышвыриваю в него окурок и мысленно усмехаюсь. Папаша, е-мае.

Толстых Вениамин Сергеевич, он же толстый боров, увидев меня на пороге своего офиса, окончательно поникает. Серёга развязывает его руки и протягивает бумаги, которые я привёз.

– Мне нужно изучить, прежде чем подписывать, – бормочет тот под нос и тянется к очкам на столе.

– Подписывай, у меня мало времени.

– Богдан, я должен убедиться в том, что ты не оттяпаешь у меня всю фирму.

– Всю – нет. Всего лишь половину.

– Не смешно! – раздается возмущенное хрюканье.

– Раньше надо было думать, Веня, – хмыкаю я. – Подписывай. У тебя ровно минута.

Из фирмы «Агропром» я выхожу удовлетворённым и спокойным. Год назад Вениамин одолжил у меня крупную сумму и клялся вернуть её ещё на прошлой неделе. Я, конечно, дядя добрый и временами щедрый, но не настолько. Счётчик тикал, Толстых деньги всё не возвращал, поэтому пришлось применить к нему нестандартные методы, которыми я пользуюсь в самых крайних случаях. Времена сейчас куда цивилизованнее, чем десять лет назад.

– Богдан Олегович, вы сейчас куда?

– Домой, Серый.

– Там наши ребята пирушку небольшую закатили. Всё как всегда – выпивка, девочки.

Выпивка, девочки – самое оно, чтобы достойно отметить

состоявшуюся сделку, но сегодня меня что-то останавливает. Что-то – это строптивая дюймовочка, которую я завтра лично повезу к врачу.

– Я – пас, Серый. Завтра рано вставать. Повеселитесь там вместо меня.

Аня

Этой ночью мне плохо спалось, поэтому я встала ни свет ни заря. Беременность дает о себе знать не только увеличившейся грудью, но и растущим аппетитом. Мне вдруг жутко захотелось омлет с сыром и непременно с куском поджаренного хлеба.

Судя по гробовой тишине в доме, Богдан еще спит. Видеть его с самого утра и терпеть его сальные шуточки не хочется, поэтому на кухню я иду тихо как мышка.

В холодильнике Богдана есть все: всевозможные паштеты, икра, диковинные фрукты, сыры и мясные нарезки. Я проглатываю набежавшую слюну. Боже, как же хочется есть.

Запихав в рот кусочек пармезана, я начинаю готовить омлет по рецепту Карины. Он у нее всегда получается вкусным, легким и воздушным. Сначала хочу приготовить порцию лишь для себя, но в итоге кладу два дополнительных яйца. Пусть Богдан тоже поест, когда проснется. Пусть он ужасно грубо обошелся с Кариной вчера, но ко мне он относится хорошо и даже личного водителя выделил. Сбегать сейчас, пожалуй, глупо. То, что я так разозлилась на него вчера, были гормоны.

Кухня у Богдана что надо: просторная, уставленная навороченной техникой, к которой и прикасаться страшно. То-

стер кажется мне наиболее безопасным и, немного с ним по-возившись, я обжариваю хлеб.

– Отличные ножи, дюймовочка, – от звука охрипшего голоса Богдана я подпрыгиваю на месте. Он стоит в дверях кухни в одних спортивных шортах и беззастенчиво меня разглядывает. Краска заливает меня по уши. Не каждый день я оказываюсь наедине с полуголым мужчиной, а тем более таким как он. Богдан загорелый и накачанный. Широченные плечи, пресс как терка для сыра, а на плечах татуировки.

– Я готовлю завтрак, – бормочу я, стыдливо отворачиваясь. Мало того, что он появился на кухне без одежды, так еще и меня разглядывает. Мое домашнее платье длиной едва ли выше колен, но сейчас я ощущаю себя так, будто стою перед ним в прозрачном нижнем белье.

– Завтрак это хорошо, – позади слышится звук отодвигающегося стула. – Готовить значит умеешь?

– А разве кто-то сейчас не умеет?

– Ты бы удивилась, Аня, как много неумех среди нынешних женщин. Им же красивую жизнь, тачки и брюлики подавай. Готовить ниже их достоинства.

– Может, вы сами таких выбираете? – не удерживаюсь от подкола.

– Разве, дюймовочка? – тон Богдана становится веселым. – Я вот в клубе в тебя пальцем ткнул и не промахнулся.

– Ой, хватит уже об этом вспоминать, – огрызаюсь я, начиная краснеть при намеке о ночи, проведенной вместе. –

Знаете же, что ничего не помню.

– Давай-ка ты, Анюта, перестанешь называть меня на «вы». Во-первых, у нас уже все было, во-вторых, ты живешь в моем доме, в-третьих, носишь моего ребенка, а в четвертых... – он обнажает в улыбке ровные белые зубы: – Неужели я такой старый?

Я ставлю перед ним тарелку с омлетом, и взгляд невольно падает на мускулистые плечи, покрытые каплями воды. Богдан явно был в душе. Нет, на старого он совсем не похож. Любая моя одноклассница бы визжала при виде такого тела. Что они и делали на крыльце университета, кстати.

– Не знаю, я не оцениваю вас... то есть тебя, как мужчину.

– А вот сейчас обидно было, дюймовочка, – ухмыляется Богдан, беря вилку. – Но сдастся мне, ты врешь. Когда мы были с тобой в номере, ты говорила, что я самый красивый мужчина, которого тебе довелось видеть. Что ты там еще говорила? – он задумчиво потирает подбородок, делая вид, что копается в памяти. – Что у меня сногшибательная улыбка и тело как у модели.

Я становлюсь краснее, чем рак. Так и хочется запустить в Богдана сковородкой. Я не могла такого сказать! Он все выдумывает.

– Если ты не прекратишь, я сейчас же уйду к себе в комнату и не стану ничего есть.

Взгляд Богдана моментально перестает быть веселым. В нем появляется опасный блеск.

– Завязывай с угрозами, Анюта, иначе привяжу к стулу и буду кормить с ложки. Ты меня ведь пока только с хорошей стороны знаешь. Пусть так и впредь и останется.

Может быть, я и наивна, но сейчас мне не верится, что Богдан способен привести свои угрозы в жизнь. Иногда он меня пугает, но все же видно, что мужчина он порядочный. Шутит постоянно и столько вещей мне красивых купил просто так. И ребенка хочет. Бандит, за которого я поначалу его приняла, так бы вряд ли себя вел.

Я с удовольствием отправляю кусок омлета в рот и блаженно жмурюсь. Ох, как же вкусно! Это я так великолепно готовлю или же это беременность так на меня действует?

– Хватит так постанывать, Анюта, – хрипло говорит Богдан, уставившись на мой рот. – Вызываешь ненужные ассоциации.

Тело пробирает жар от того, как он на меня смотрит. Пожирает глазами, словно хищник, увидевший дичь. Сердце начинает колотиться сильнее, и чтобы не выдать свое волнение, я показываю ему язык.

– Кушайте, Богдан Олегович, а то остынет.

Завтрак мы доедаем в тишине, потому что я никак не могу придумать тему для беседы. И Богдан, как назло, тоже молчит.

– Очень вкусно было, дюймовочка, – говорит он, наконец, и отодвигает от себя пустую тарелку. – Ты меня приятно удивила. Сто лет домашней еды не ел.

Мне становится так приятно, что я начинаю улыбаться.
Ну а кому не приятно, когда их хвалят?

- Как закончишь с завтраком – иди собираться.
- Куда собираться? – непонимающе смотрю на него.
- Отвезу тебя в клинику на осмотр. Пусть врач мне лично скажет, что с моим сыном все в порядке.

Аня

– Анюта, неужели так нервничаешь? – спокойным голосом спрашивает Богдан, заметив, что я не тороплюсь выходить из машины.

Он курит на улице, а я с интересом осматриваю место, в которое он привез меня и замечаю позади нашей машины внедорожник, такой же, на котором мы приехали в клинику. Зачем ему столько охраны?

– Немного, – признаюсь я, потому что последний мой визит в женскую консультацию мне не понравился, как и врачиха, которая вела прием, но об этом всем я умалчиваю и просто выхожу на улицу, молча следуя за Богданом.

Внутри клиники очень светло и просторно. Это место разительно отличается от того, где подтвердили мою беременность. Медперсонал доброжелательный, все улыбаются. Я словно попала в другое измерение.

– Успокойся, дюймовочка, – Богдан нежно берет меня за руку и усаживает рядом с собой на кожаное сиденье белого дивана. – Сейчас убедимся, что с нашим сыном все в порядке и поедem в ресторан. Ты ведь уже проголодалась?

– Нет, я пока не голодна, – тряхнув головой, поднимаюсь на ноги.

Я бы и рада успокоиться, но не получается, и сама не по-

нимаю в чем дело. Гормоны что ли дают о себе знать?

Спустя пять минут нас наконец-то зовут в кабинет, а меня накрывает новой волной паники, когда врач начинает задавать вопросы о начале месячных, о возрасте, когда я начала вести половую жизнь, о наличии болезней или патологий. Затем с непроницаемым лицом заполняет карточку, выписывает кучу направлений на анализы и просит лечь меня на кушетку, оголив низ живота. Долго водит датчиком, выписывает какие-то цифры себе на клочок бумаги, затем включает звук и дает послушать сердцебиение ребенка. В это мгновение на мои глаза наворачиваются слезы, а в груди становится так тяжело, что я не могу сделать вздох. Господи... А ведь я едва не убила это чудо внутри меня!

– Беременность протекает хорошо, – сообщает она и дает мне салфетку.

Богдан все это время стоит в стороне и вид у него такой, что он бы, наверное, не прочь снова закурить.

– Вам вот тоже направления, Богдан Олегович, – врач протягивает и ему несколько листков, возвращается к столу и снова склоняется над бумагами.

Я привожу себя в порядок, поднимаюсь на ноги, и мы покидаем с отцом моего малыша стены клиники.

– Все в порядке, дюймовочка? – спрашивает он меня, когда я забираюсь на сиденье.

Я качаю головой из стороны в сторону. Так меня поразил звук сердцебиения ребенка, что вытравить из воспоминаний

день, когда я шла в больницу на аборт нет возможности. Я ведь едва не убила крошечное создание. И лишь благодаря Богдану и его появлению не сделала этого.

– Я испугалась тогда... Мне стало страшно. Одна, без помощи, живу в общежитии, не помню кто мой первый мужчина и отец ребенка... Я только сейчас осознаю какую бы могла совершить ошибку, если бы не твое появление... – мне тяжело даются слова, но их стоит сказать.

Я чувствую исходящий от Богдана аромат. Безумно приятный аромат. Мне хочется бесконечно вдыхать его, потому что это запах силы и уверенности.

– Спасибо, – шепчу благодарность, ощущая легкость внутри от этого признания. – Когда я только узнала о беременности, то подумала о девочке... Даже имя придумала – Наденька, – мой голос дрожит, выдавая волнение, но сейчас мне все равно. Я под большим впечатлением от УЗИ и чувствую необходимость поделиться этими мыслями с Богданом.

– Мне нравится. Хорошее имя, – он кивает и тянется ко мне рукой. Гладит мой подбородок пальцами, а его красивые глаза темнеют, в них сверкают искры.

Когда он так смотрит на меня, я предпочитаю отводить глаза в сторону, но сейчас не получается. Я слышу, как он делает вдох, и затем его губы оказываются на моих губах. Он не шевелится, тяжело дышит и дает мне возможность оттолкнуть себя, но я этого не делаю. Я второй раз за день за-

стигнута врасплох. А еще мне приятно это ощущение. И так безумно нравится аромат, который исходит от мужчины. Я будто в облаке эйфории и защищенности. Мужские губы начинают двигаться, и нежный, сладкий поцелуй превращается в страстный. Сама не понимаю почему отвечаю ему, но делаю это, пока внезапно не раздается громкая мелодия мобильного.

Богдан отрывается от меня, чертыхнувшись. Берет телефон в руки и отвечает ровным, спокойным голосом, пока мое сердце бешено стучит в груди. Он не сводит с меня черных глаз все время, пока разговаривает по телефону. Они ярко сияют, хотя в них кроется тьма.

– Ужинай без меня, дюймовочка, – сообщает он, не сводя с меня внимательного взгляда. – А если пожелаешь встретиться с подружкой, то за пределами моего дома. Казим в полном твоём распоряжении.

Аня

Я приезжаю домой окрыленная. Закрываюсь в ванной комнате, смотрюсь на себя в зеркало и трогаю губы, которые, кажется, до сих пор пылают. Меня никогда не целовали так... страстно и дерзко, по-взрослому.

На первом курсе университета сокурсник пригласил меня на свидание. Симпатичный парень, который мне нравился. Мы сходили в кино, затем перекусили в кафе, а потом он впервые поцеловал меня на крыльце общежития. Я тогда не поняла, почему *это* должно нравиться? Скользкий обмен слюной не вызывал совершенно ничего, кроме недоумения. Но после поцелуя с Богданом моё мнение кардинально изменилось. При воспоминании о том, как он целовал меня сегодня, внутри всё трепещет и разгорается с новой силой.

Что если это начало чего-то нового? Например, настоящих отношений между мужчиной и женщиной у которых скоро родится общий ребёнок.

Я тут же представляю нас обычной среднестатистической семейной парой. Я, Богдан и наш малыш проводим вместе будни и выходные, ездим на море, познаем друг друга и ещё больше влюбляемся. По крайней мере я сегодня уже начала...

Быстро переодевшись в домашнюю одежду, спускаюсь на

первый этаж в приподнятом настроении и открываю холодильник. Богдан сказал, чтобы ужинала без него, потому что он поздно придет. Но что мне мешает подождать его? Что мешает приготовить ужин для двоих? Спать совершенно не хочется, на занятия только к третьей паре, а ещё я всё же хочу его ещё раз увидеть. Хочу, чтобы он похвалил меня за очередной кулинарный шедевр.

Открываю вкладку на телефоне и среди сотен рецептов выбираю тот, который по моему скромному мнению, понравится Богдану.

Приготовление мяса по-французски занимает у меня всего полтора часа. Довольная собой достаю из духовки блюдо и ощущаю как во рту собирается слюна. Похоже рецепт удался.

Чтобы как-то скоротать время до прихода Богдана, сажусь в гостиную и включаю телевизор. Развлекательные передачи не вызывают ничего, кроме сонливости, поэтому я звоню Каринке и болтаю с ней почти полчаса.

Когда стрелки часов показывают полночь, я начинаю осознавать, что Богдан не придет, но всё равно терпеливо жду. Ещё полчаса... Ещё десять минут... Пять... Мне ведь так хочется его увидеть и понять, что всё не зря.

Вопросы один за другим атакуют мою голову... Где он? С кем? Почему не приехал? Почему не позвонил? Неужели ему... не понравилось?

Поставив остывшее блюдо в холодильник, направляюсь к себе в комнату. Вздрагиваю от каждого шума проезжающей

за окном машины, думая, что это вернулся Богдан, но потом корю себя и буквально заставляю закрыть глаза и абстрагироваться от нехороших мыслей. Мне нельзя волноваться, потому что я беременна. Если наш поцелуй перевернул всё в моей душе, то это не означает, что Богдан испытал точно те же эмоции.

Я просыпаюсь, когда звонит будильник. Привожу себя в порядок, подбираю подходящую для занятий одежду и внимательно смотрюсь на себя в зеркало в полный рост. У меня худощавая фигура, но я всё пытаюсь разглядеть хотя бы малюсенький намёк на то, что беременность развивается, а малыш внутри меня растёт. Хочется, чтобы он поскорее начал пинать меня изнутри, чтобы давал знать о себе всякий раз, когда я волнуюсь.

Спустившись на первый этаж, понимаю, что Богдан так и не вернулся. В груди разрастается тревога и сомнения... Что если он пожалел о том поцелуе? Он снился мне всю ночь и всё утро. Проснувшись я в насквозь мокрой сорочке часто дыша и задыхаясь от эмоций. В моем сне мы зашли гораздо дальше обычного поцелуя и сон этот был таким реальным, что я в это поверила.

Скрывать разочарование от отсутствия Богдана уже не получается, поэтому я кое-как заставляю себя позавтракать и в расстроенных чувствах уезжаю на занятия.

– Слышала, что Маринка всех сокурсников зазывает к себе на день рождения? – спрашивает Карина после того, как

мы выходим из кафе, где обедали.

– Ещё не слышала.

– Ты пойдешь? Она говорила, что будет отмечать в каком-то дорогом ночном клубе.

– Не знаю, Карин. Вряд ли. Куда мне в моём положении?

Не успевает подруга задать мне очередной вопрос, как прямо возле нас останавливается невзрачный серый седан с тонированными окнами. Дверь открывается, оттуда выходит мужчина в чёрном пальто и, осторожно взяв меня за локоть, молча усаживает на заднее сиденье. Шок настолько парализует моё тело, что первые несколько секунд я не сопротивляюсь, но затем становится поздно.

– Отпустите меня! – громко кричу. – Да кто вы такие?! Выпустите!

Дверь захлопывается, машина плавно катит по улице.

Возле университета меня ждёт Казим. Я сказала ему, что схожу с подругой пообедать в кафе и что меня не стоит провожать. Зря, конечно же! Он хотя бы мог меня защитить.

– Тихо-тихо, Аня. Мы не причиним тебе зла, – произносит мужчина, который сидит со мной на заднем сиденье.

Я удивляюсь откуда он знает моё имя и на секунду замолкаю. Смотрю на его профиль, заглядываю в холодные серые глаза. Возраст мужчины чуть старше сорока, но волосы полностью седые.

– Позвони своей подруге и скажи, чтобы не волновалась. Мы вернём тебя через десять минут.

Его тон спокойный и я понимаю, что спорить сейчас абсолютно бесполезно. Достаяю из кармана телефон, дрожащими руками тыкаю в нужные кнопки и звоню Карине в точности повторяя всё то, что сказал мне седовласый мужчина.

– Меня зовут Слепаков Николай Иванович, – представляется он и достает из нагрудного кармана удостоверение с синей обложкой.

Я не успеваю прочитать, что именно там написано, потому что он тут же захлопывает его прямо перед моим носом.

– А ты Аня, верно?

– Верно, – отвечаю дрожащим голосом.

– Вот видишь, мы о тебе много знаем. Навели справки перед встречей, увидели, что девочка ты хорошая, не имеешь отношения к криминалу да только не с тем мужчиной связалась.

– Что вы имеете в виду?

– Ты же знакома с Богданом Валевским? – спрашивает Николай Иванович.

– Знакома, – отвечаю, всё ещё не понимая к чему он клонит.

– Знаешь, чем занимается мужчина, с которым ты живёшь?

– Он... Нет, не знаю, – тяжело вздыхаю.

Надо было спросить у Богдана раньше, да только я боялась его.

– Мы предлагаем тебе сотрудничество, Аня, – произносит Николай Иванович, прищулив внимательные серые глаза.

Аня

Дорога к дому Богдана проходит как в тумане. В голове все еще звучит скрипучий голос следователя, вываливающего на меня кучу непонятной информации: Богдан Валевский – криминальный авторитет, начавший строительство своей империи в начале двухтысячных годов. Неоднократно привлекался к судебным разбирательствам, отсидел два года в тюрьме за вооруженное нападение. По официальным данным владеет сетью автосервисов, заправками и популярным клубом. По неофициальным – еще много чем, так как имеет привычку отнимать бизнес у должников и зачастую насильственными методами. За ним много лет ведется наблюдение, но оснований для привлечения к ответственности не находится, потому что свидетели отказываются давать показания.

Я с силой встряхиваю волосами, чтобы избавиться от неприятного осадка этого разговора. Глупости. Я не верю. Не знаю, для чего этому мужчине потребовалось клеветать на Богдана, но он наверняка преследует свои цели. Может быть, они в бизнесе чего-то не поделили, а может быть, он просто недолюбливает Богдана. Я же помню, как он вел себя в клинике на первом УЗИ нашего ребенка, как ласково смотрел на меня, и как трогательно волновался. Они хотят, чтобы

я поверила в то, что он причинял боль людям? Отец моего ребенка – не уголовник и точно не какой-то там бандит или криминальный авторитет. Нашли дурочку. Думают, что рассказали о нем кучу гадостей и завербовали меня в шпионки?

Я опускаю глаза на ладонь, в которой зажата визитка следователя, и комкаю ее. Можно выбросить в окно, но я не имею привычки мусорить. Выбросить под сиденье? Казим заметит. Он и так спросил, почему я задержалась, а я даже выдавить из себя ничего толком не смогла – настолько растерялась.

Несмотря на мою обиду на Богдана за то, что он не пришел ночевать, сердце начинает радостно стучать, когда я вижу знакомый внедорожник, припаркованный возле дома. Что-то изменилось во мне после похода в клинику и нашего поцелуя. Я думала о Богдане на каждой лекции и никак не могла сосредоточиться на учебе. Он ведь не мог быть с другой женщиной этой ночью? У него наверняка были какие-то другие дела. Может быть, Богдан уезжал в другой город, у него сел телефон, и он не смог меня предупредить?

– Как поучилась, дюймовочка? – Богдан ослепительно мне улыбается, стоя в дверях спортзала. Его мускулистый торс блестит от пота, влажные волосы всколочены. На нем только шорты, а влажная футболка переброшена через плечи. Я снова краснею.

– Поучилась отлично, – бормочу я, чувствуя поднимающуюся обиду. Я готовила для него еду, ждала его, думала

что-то случилось! А он стоит тут как ни в чем не бывало и улыбается мне как модель с обложки журнала. А еще этот следователь или кто бы он ни был... До нашей встречи меня ни разу не запикивали в машину и не пытались сделать тайным агентом.

Не в силах больше смотреть на его тренированное тело, я разворачиваюсь на пятках и топаю в кухню.

– Ты куда это так понеслась, мать моего ребенка? – Богдан ловит меня за талию и разворачивает к себе. От прикосновения его влажного горячего тела, я вздрагиваю, а внизу живота вспыхивает странная искра.

Я опускаю глаза, чтобы он не видел, как я зла, смущена и растеряна, но Богдан своим фирменным жестом тянет вверх мой подбородок.

– Что с тобой, дюймовочка? Чего губы надула?

Наши глаза встречаются, и я снова вспоминаю наш поцелуй, от которого в животе становится щекотно, а в груди тесно. Мне кажется, что Богдан способен узнать, о чем я думаю, и от этого смущаюсь еще больше. Не мог он футболку надеть, а не светить передо мной своими мышцами? А еще он так вкусно пахнет, что кружится голова.

– Я приготовила ужин, а ты не пришел, – дрожащий шепот срывается с моих губ. – Я волновалась... Неужели нельзя было предупредить?

Я сама на себя злюсь. Ведь выставять себя истеричной дурушкой из-за того, что мужчина, которого я знаю от силы

неделю, не пришел ночевать – просто смешно. Но я ничего не могу с собой поделать. Наверное, это тоже гормоны. Для чего вообще было меня целовать? Кто ему разрешил? Теперь у меня в голове и в душе сплошная неразбериха.

– Ты из-за этого расстроилась? – голос Богдана теплеет, и он начинает улыбаться. – Скучала, что ли, Анюта? Или одной было страшно в кроватке спать? Сегодня можем это исправить, если хочешь.

– Ничего я не скучала! – по-детски шмыгаю носом и от его шутивого тона начинаю постепенно расслабляться. – Просто если ты привел меня к себе домой, будет правильным сообщить, когда не приходишь ночевать. А если я так сделаю?

– Сразу по заднице получишь, Анюта, – серьезно произносит Богдан. – Я отчитываться ни перед кем не привык. Когда дела возникают – уезжаю.

Мне снова становится обидно до слез – даже в горле начинает першить. Хочется кричать и топтать ногами от поднявшегося гнева и бессилия.

– Здорово ты устроился! Сделал мне ребенка, притащил к себе домой, запретил приводить друзей... Вся моя жизнь из-за тебя перевернулась!!! А еще какие-то мужики меня после университета вылавливают...

Лицо Богдана темнеет, и он легонько встряхивает мои плечи.

– Какие еще мужики?

– Представился следователем... В машину меня к себе по-

садил и наговорил кучу гадостей про тебя... Что ты криминальный элемент и мне нужно бежать от тебя подальше...

Дорожки слез катятся по моим щекам, и я беззвучно всхлипываю. Жалко себя и обидно, аж трясет.

– Тише, тише, Анята, – раздается мягкий голос Богдана. – Ты чего плачешь? Помнишь же, что тебе нельзя волноваться?

Я тру глаза дрожащими пальцами и глубоко вдыхаю. Он прав. Что-то я разошлась. Мне нельзя волноваться – это может повредить нашему малышу.

– Я ему не поверила и прямо об это сказала. У моего ребенка не может быть отца, который нарушает закон и угрожает людям ради денег. Этот мужчина ведь мне соврал?

Богдан долго всматривается в мое заплаканное лицо, а потом ласково треплет меня по волосам.

– Конечно, соврал, дюймовочка. Я обязательно его найду и поговорю. Тебя больше никто не посмеет доводить до слез.

Аня

Богдан снова куда-то собирается, хотя пробыл дома совсем недолго. А я-то думала, что мы вместе поужинаем, пообщаемся... Глядя на то, как он застегивает пуговицу на пиджаке, я непроизвольно начинаю им любоваться. Какой он все-таки мужественный и элегантный – совсем не похож на моих сокурсников. Этого мужчину окружает аура уверенности, а строгий костюм и белоснежная рубашка ее как нельзя лучше подчеркивают.

Богдан протягивает ко мне руку и гладит по подбородку, отчего сердце начинает стучать быстрее.

– Ужинай без меня, Анята. Буду поздно, – криво улыбувшись, он добавляет: – Сойдет за предупреждение?

Обида вновь царапает меня изнутри, но я не подаю вида. Что за дела у него на ночь глядя? Почему каждый вечер он куда-то уезжает?

После того, как дверь за Богданом захлопывается, я все-таки подумываю о том, чтобы из вредности поехать к Карине, но потом решаю провести время за учебой. Это отвлечет меня от дурацких мыслей, а с подругой я лучше встречусь завтра в университете. Остаток вечера сижу с учебниками в кровати, и так и засыпаю, а просыпаюсь лишь утром с громким звонком будильника. Рядом со мной нет ни одной кни-

ги, все аккуратной стопкой лежат на краю стола, а сама я накрыта одеялом.

Быстро принимаю душ и спускаюсь вниз, чтобы приготовить завтрак. Машина Богдана стоит на месте и, обрадованная, я начинаю готовить вторую порцию. Увлекаюсь настолько, что не слышу шаги Богдана за спиной. Он выглядит зашпанным, и на нем снова нет футболки.

– Уже уходишь, дюймовочка? Забрать тебя с учебы? – он потирает ладонью подбородок и подходит ко мне так близко, что я ощущаю его запах. Уворачиваюсь от него, стараюсь не смотреть ему в глаза, на что он усмехается: – Снова включаешь недотрогу? А как же спать в одной кровати? – и спрашивает уже серьезнее: Что случилось на этот раз?

– Я опаздываю, – отрезаю я, высвобождаясь из его рук.

Он не обязан передо мной отчитываться, где и с кем проводит свои вечера, но меня задевает одна только мысль, что он поселил меня в своем доме, как пленницу, а сам ездит по любовницам. И он меня поцеловал! В моей шкале ценностей это что-то да значит.

– Я же предупредил вчера, что поздно вернусь, так ведь? – на его губах растягивается очаровательная улыбка, а во мне снова поднимаются гнев и бессилие. Издевается он, что ли, надо мной?

– Я правда опаздываю, Богдан.

Я за минуту заталкиваю в себя приготовленный завтрак, и не взглянув на Богдана, выхожу во двор, где меня ждет Ка-

зим. Все-таки без симпатии к отцу моего ребенка жизнь казалась куда спокойнее и проще.

Казим останавливает машину у университета, но уезжать не спешит. Глушит двигатель и утыкается взглядом в телефон. Разве он не поедет обратно домой?

– Вы останетесь меня ждать? – я не могу скрыть удивления.

– Да, приказ Богдана Олеговича, – скупое отзывается водитель. Мне ничего не остается, как молча уйти.

В аудитории сегодня на удивление полно людей, и мне кажется, что с моим появлением взгляды всех присутствующих обращены ко мне. Я нервно сжимаю сумку в руках и ускоряю шаг.

– Привет, – чмокаю Карину в щеку и сажусь рядом.

– Ты опоздала, – шепчет она. – Проспала? – окидывает меня пристальным взглядом и останавливает взгляд на моем животе. От моего внимания не ускользает, что она ведет себя странно и без конца оглядывается назад.

– Да, допоздна просидела за учебниками.

Внутри все переворачивается от смущения и непонимания, когда в мою сторону летят неприятные шепотки. К нам с Кариной приковано внимание нескольких десятков глаз. Ощущаю себя в этот момент звездой желтой газетенки. До недавнего времени я никак не привлекала к себе внимания, но сегодня будто все ждали моего появления. Кто-то смотрит по злому, кто-то с осуждением, другие не скрывают на-

смешки. И тогда меня осеняет. Беременность. О ней разлетелись слухи. Теперь все хотят поиздеваться над дурочкой, залетевшей на втором курсе от мужчины едва ли не вдвое ее старше. Значит мне не показалось...

– Не обращай внимания, – успокаивающе шепчет Карина. – Это все людская злость. Поговорят и забудут. Может прогуляемся после пар?

Я ничего не отвечаю, потому что меня раздирает обида, а внутри зреет негодование за поверхностное суждение обо мне и ситуации, о которой никто даже не в курсе! Ведь ничего постыдного и ужасного я не сделала! Да, забеременела в свои девятнадцать. Да, мужчина старше меня. Но они ведь понятия не имеют, при каких обстоятельствах это произошло! Пусть я и не стремилась к такому, но Богдан не бросил меня и готов воспитывать нашего общего ребенка. Это разве достойно порицания?

– Анют? – Карина трогает меня за руку. – А хочешь прямо сейчас уйдем?

– Нет уж, никуда я уходить не буду, – настырно заявляю я, и ловлю насмешливый взгляд Кати Листьевой, нашей старосты. Наверное, с ее подачи и поднялась вся эту шумиха? – Пусть сплетничают, – говорю чуть громче, достаю тетради из сумки и со злостью швыряю их на стол.

Несмотря на желание сбежать, я решила быть сильной. Или что, беременной студентке нельзя находиться в стенах университета? Какое окружающим дело до моей личной

жизни? Что за привычка копать в чужом белье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.